ПОЛЕТ ГРИФА, ТАНЕЦ ГИЕНЫ

по следам громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

По следам громких дел. Детективы Т. Степановой

Татьяна Степанова

Полет грифа, танец гиены

«Эксмо»
2027

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Полет грифа, танец гиены / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2027 — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой)

ISBN 978-5-04-258393-3

Блистательный Восток умеет хранить свои тайны… Членов археологической экспедиции, сделавших сенсационное открытие на раскопках Злого холма, преследует нечто грозное и безжалостное. Потревоженный Ночной из древних легенд? Или неуловимый маньяк-убийца? К полковнику Гектору Борщову-Петровскому, имеющему опыт контртеррористических операций, обращается за помощью меценат частной археологической экспедиции: убиты и… обезглавлены уже четыре жертвы. Гектор и Катя принимают вызов. В поисках преступника они пробираются по запутанному лабиринту, сотканному из страстей, амбиций, лжи, местных суеверий и тайн древнейшего культа, связанного с человеческими жертвоприношениями. Кто-то одержим ужасной аурой Злого холма и охотится на членов экспедиции! А может быть, вырвавшиеся из логова на раскопе Ночные вновь жаждут крови… Татьяна Степанова исследует природу зла и цикличность насилия через столкновение древних ритуалов жертвоприношения с современным миром. Автор показывает, как архаические импульсы человечества пробуждаются в местах силы, где тысячелетия назад совершались кровавые обряды, и как прошлое неизбежно вторгается в настоящее, требуя своей жертвы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-258393-3

© Степанова Т. Ю., 2027
© Эксмо, 2027

Содержание

Глава 1. Черепа 7
Глава 2. Под полумесяцем 10
Глава 3. Гиена. Колдовство 12
Глава 4. Первая жертва 14
Глава 5. Когда комар бегал босиком… 20
Глава 6. Шанлыурфа 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Татьяна Степанова
Полет грифа, танец гиены

Дизайн обложки *Е. Петровой*
Издание осуществлено при содействии «Литературного агентства Ольги Рубис»

© Степанова Т. Ю., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

*** * ***

Гнетущая атмосфера дышала смертью. В ней не было никаких признаков жизни, как не было и испепеляющей жары, но она была насыщена влагой и памятью о многих столетиях, в ней царила опустошенность, казалось, немыслимая ни в каком другом месте…
Томас Эдвард Лоуренс Аравийский. Семь столпов мудрости

Глава 1. Черепа

До начала времен. В пятнадцати дневных переходах от Эдема

Закат. Солнце у горизонта. Холм над равниной. Облака. Гул.

Барабанов тогда еще они делать не умели. Барабанами служили куски дерева и раздутый от газов труп пещерной гиены. По дереву люди лупили палками, а по вспученному брюху гиены бил суковатой дубиной человек в накинутой на плечи и голову шкуре льва. Глухой рокот – утробное бульканье резонирующей плоти падальщика…

На каменных столбах с верхней перекладиной восседали грифы, зорко наблюдая за церемонией. Их черные силуэты четко выделялись на фоне бескрайнего неба, где солнце мучительно умирало, окрашивая багровым светом Малый каменный круг, сложенный из булыжников, столбы, высеченные каменными орудиями в форме насестов для Птиц Смерти, барабанщиков, Старшего в львиной шкуре, вооружившегося теперь не только дубиной, но и ритуальным топором из остро заточенного кремня, и толпу голых всклокоченных людей в звериных шкурах, размахивающих копьями и обглоданными костями. Закатный свет смешивался багрянцем с потоками крови, растекшимися по всему Малому кругу. Вечернее зарево освещало и ЕГО, стоявшего перед творением собственных рук и все еще не верившего, что его многодневный труд завершен и все уже вот-вот закончится…

У подножия каменных столбов на каменных скамьях трудились резчики. Они старались изо всех сил – удаляли кожу с голов второй, третьей и четвертой жертв, снимали скальпы. ОН отрешенно наблюдал за их работой: как они кремневыми лезвиями рассекают кожу отчлененных голов в навершии лба, возле ушей и под подбородком и быстрым резким движением сильных рук срывают ее, словно ненужный уже покров с кости, обнажая череп. Скребками счищают с костей плоть, а затем кремневыми ножами вытачивают на еще влажных от крови черепах борозды, обвивая их веревками, сплетенными из сухожилий газелей.

Черепа прежних жертв из минувших времен, подвешенные на веревках гроздьями, украшали каменные столбы. ОН помнил, как в детстве вместе с отцом, дедом и старшим братом, тогда еще живыми, посещал Большой круг, находившийся в семнадцати дневных переходах на закат от Великого сладкого сада в междуречье. К Большому кругу они все явились из того сада, где объедались финиками, яблоками, ягодами сикоморы, фисташками, грушами, пришли в сезон миграции копытных вслед за кочующими несметными стадами джейранов, онагров и диких баранов – охотники вслед за добычей, сопровождаемые хищниками, крадущимися по пятам и добычи, и самих охотников. Тогда в Большом круге ОН впервые увидел церемонию черепов и запомнил ее на всю жизнь. Большой круг воздвигли одновременно с Малым кругом в дни юности его деда и достраивали, совершенствовали, украшали их оба в течение долгих лет. ЕГО в Большом круге в детстве поразили барельефы на каменных столбах, где гриф держал в крыльях отрубленную человеческую голову, а рядом валялось обезглавленное тело, а по другим столбам ползали словно живые вырезанные в камне змеи, скорпионы, обитатели леса, степи и пустыни… ОН любовался ими и боялся их. И впоследствии, став взрослым бородатым мужчиной, решил: его собственное творение в Малом круге превзойдет все сделанное в Большом. Он поразит не только свой род и прочие кланы, посещающие церемонию черепов, но и весь подлунный мир.

Один из черепов, освобожденный от кожи, принадлежал женщине дальнего клана, почитавшей фигурки Великой Матери. В начале церемонии женщина звонко мелодично пела и танцевала под рокот дерева, служившего барабаном, и свист костяных флейт, и вот… она уже сама без головы и без лица… Ее скальп валяется в луже крови, а в пустые глазницы и выточенную борозду под челюстью резчик ловким движением просовывает веревку из жил. Скоро

и ее череп повесят на столб, и солнце высушит, выбелит кость… А обезглавленный труп, преподнесенный им в качестве дара, растерзают грифы и гиены.

Певунья ЕМУ приглянулась, но ей выпала участь третьей жертвы. А пятую жертву уже ставили на колени. Старший распорядитель церемонии – не жрец и не царь, ибо они еще не знали ни жрецов, ни царей, показывал жестами, и, повинуясь ему, двое его помощников крепко удерживали коленопреклоненную жертву за руки, заставляя несчастного согнуть их в локтях, повернув кисти раскрытыми ладонями наружу. Старший в львиной шкуре отбросил дубину, перехватил крепче кремневый острый топор и кивком подозвал ЕГО – и ты ступай сюда, подставляй руки.

Взмах! Удар топора, перерубивший шею жертвы…

Хриплый вопль…

Отсеченная голова скатилась по груди прямо в ладони обезглавленного трупа. А ОН наполнил свои ладони горячей кровью, фонтаном забившей из шеи. Кровью ОН омыл обветренное, покрытое морщинами лицо и натруженные пальцы, покрытые ссадинами и мозолями от работы с известняком, со статуей. Затем с полной пригоршней крови шагнул к своему творению.

Они смотрели друг на друга – глаза человека вперились в зеницы каменных очей. И человек испытал трепет. Восторг!

И первородный стыд…

И ужас смертный…

ОН вспомнил день, когда от страшных клыков Ночного погибли его отец и старший брат. Они втроем наткнулись на Ночного случайно после ливня, превратившего чернозем междуречья в жирную грязь. Они шли по равнине среди зеленой травы, попали на раскисшую прогалину и даже не заметили Ночного в грязи. А он, огромный, страшный, свирепый, выскочил им наперерез в туче черных брызг и ударил мордой, клыками отца прямо в живот, поверг его наземь и начал топтать, визжа от ярости, раздирая тело на куски. Старший брат – тогда еще юный, но храбрый – бросился на Ночного с копьем, спасая отца, но Ночной и ему распорол живот, погрузив окровавленную морду в его внутренности. ОН – тогда еще совсем мальчишка – с криком бросился наутек, он спасся, он добрался до охотников их рода, жестами, гортанными криками, захлебываясь слезами, дрожа, рассказал соплеменникам о трагедии. И охотники ринулись мстить Ночному. Они застали его, пожиравшего останки двух убитых им людей, на месте кровавого пира. Они поразили его копьями, градом камней из пращей. Ночной защищал свою добычу яростно и не убегал… После жестокой схватки охотники прикончили его, одолев лишь числом. Огромную тушу, подвешенную за ноги на палках, забрали в качестве добычи. Всем родом обгладывали его кости, запалив на равнине костры. ЕМУ, струсившему по малолетству, бросившему отца и брата на съедение Ночному, швырнули мосол с остатками мяса. И ОН, голодный, осиротевший, рвал зубами полусырое жаркое, но его не оставляла мысль, что в кишках и в желудке зверя до сих пор плоть и кровь его отца и брата и ОН поглощает их вместе с Ночным, превращаясь в людоеда, в создание, подобное Ночному – всеядное, беспощадное…

Не стало ли творение рук его в Малом круге искуплением детской трусости и позора? ОН все глядел в зеницы его каменных очей. ОН хотел… нет, требовал ответа, прежде чем и сам отправится туда, куда ушли его отец, брат и Ночной…

Пригоршней жертвенной крови ОН старательно вымазал пасть и клыки Ночного, изваянного ИМ из камня. К белому известняку, черной саже и желтой охре, которыми ОН раскрасил Ночного, прибавились алые пятна.

Солнце село за горизонт. Внутри Малого круга возбужденная церемонией, опьяненная кровью толпа зажгла костры. В сумерках горели глаза хищников, собравшихся снаружи. Грифы

невозмутимо взирали с каменных столбов на людскую суету, их очередь пировать наступит позже, на рассвете, угощения всем, всем хватит. Малый круг безмерно щедр.

Старший в львиной шкуре (клыкастая львиная башка словно шлем на его голове) подошел вместе с помощниками к тому, кто изваял Ночного из камня, возложил тяжелую длань ему на плечо, заставляя добровольно встать перед статуей на колени. И ОН, скульптор, подчинился. Двое помощников и ему согнули руки, повернув ладони вверх. ОН держал голову высоко. А спину прямо. ОН принимал свой конец и участь жертвы с покорностью судьбе. Он приносил свой дар.

Ночной пялился на него, оскалив окровавленную пасть. Он ждал.

Кремневый топор с остро заточенным лезвием рассек воздух со свистом.

Мощный удар!

Отсеченная голова шлепнулась прямо в раскрытые ладони коленопреклоненного… уже мертвеца. Но глаза еще дважды моргнули и остановили взор на Ночном.

Искра жизни потухла, последняя мысль оборвалась в мозгу: тело отдадут грифам, может, и другой Ночной забредет в Малый круг полакомиться падалью. Но сердце, мозг, язык и печень племя искрошит и подобно запретному яству проглотит во время ночного пира, дабы навыки их современника, его редкое умение высекать из камня фигуры и врожденный талант не обратились в прах, а перешли по наследству к потомкам.

Глава 2. Под полумесяцем

Наши дни. 53 километра от Гёбекли-Тепе[1]*, Турция. Новый археологический раскоп*

Сумерки над равниной. Бледный серп месяца в разрывах осенних туч. Огни фар приближающейся машины. «Джип» с открытым верхом остановился. Из него вышла женщина в длинном платье, подпоясанном кушаком, и направилась к полевому лагерю. Над обширной ямой пока еще не установили тент. Женщина ловко спустилась по деревянным мосткам в раскоп. Двигалась она уверенно и сноровисто, обстановка была ей отлично знакома. Внизу – освобожденные археологами от грунта две высокие каменные колонны с перекладинами. Геофизические исследования показывали, что их должно быть еще шестнадцать – экспедиция находилась лишь в начале долгого пути.

Женщина медленно обошла круг раскопа и встала между двух колонн, напротив земляной стены. Из глины, щебня, мелких камней в стене еще лишь проступали контуры их великой находки. Но ощеренная пасть, клыки и поразительно живые глаза со зрачками Создания женщина видела даже в сумерках. Она отличалась острым зрением.

На каменном столбе словно на насесте дремал гриф. Лишь только колонны с перекладинами после многовекового забвения вновь явили себя миру, грифы – падальщики с равнины – сразу облюбовали их. Слетались, усаживались и чего-то ждали. Любопытство ли влекло их, голод ли, древняя генетическая память о событиях минувших веков, вгоняющих современников в дрожь? На женщину из «джипа» в турецком платье энтари из желтого шелка гриф взирал сверху вниз. Он не взлетел, не испугался ее. А она подняла голову к небу, отыскала среди туч рогатый восточный месяц, взошедший над харранской равниной. А потом вновь взглянула в очи Созданию, словно пытающемуся вырваться на волю из стены раскопа.

Они долго, очень долго смотрели друг на друга. Сумерки сменились тьмой. На равнине царила мертвая тишина, но вдруг… Шорох в траве… камешки осыпались под чьими-то шагами? Или морок ночной?

Женщина медленно развязала кушак, выпростала плечи из шелка энтари, платье-халат упало к ее ногам в пыль. Она осталась совершенно обнаженной, облитой лунным светом. Протянула руки к Созданию и стала тихо напевать. Нагнулась, подняла из пыли пояс, топнула ногой и начала танцевать, поводя бедрами, пружинисто подпрыгивая, вертя поясом у себя над головой и сама вращаясь юлой, кружась, будто в невидимом хороводе, где к ней присоединялись призраки танцовщиц незапамятных времен. Она двигалась энергично, убыстряя темп, ее тело покрылось потом и пылью, взбиваемой ее босыми ногами. Она все еще пела, но голос ее звучал прерывисто и хрипло…

Она уже задыхалась, но танцевала неистово, словно не могла остановиться…

Рухнула на колени.

Создание наблюдало за ней из стены раскопа, ощерив клыки. Казалось, танец незнакомки *его* позабавил. Женщина ладонями вытерла обильный пот с лица. С усилием поднялась и шагнула к Созданию. Словно слепая, она ощупывала освобожденный от грунта фрагмент их великой находки… *Его* ужасный и одновременно завораживающий взор лик… Нет, морду, конечно, потому что *он* не был человеком. Мокрые от пота пальцы ощущали все шероховатости, бороздки, выступы… Она закрыла глаза, отступила и вновь закружилась в бешеном танце, хотя сердце ее уже выскакивало из груди…

И внезапно резко остановилась.

---

[1] Гёбекли-Тепе – археологический памятник эпохи неолита, мегалитический комплекс, расположенный недалеко от города Шанлыурфа в Юго-восточной Турции. Место постоянных археологических исследований.

Ей почудилось – она здесь не одна.

Гриф взмахнул могучими крыльями и перелетел на соседний столб.

Полумесяц утонул в облаках, позволяя ночи полностью завладеть и окрестностями, и раскопом. Женщина увидела наверху, у края ямы, кольцо светящихся желтых точек. Они мигали, наливались багровым светом. Твари ночные, алчные хищники равнины – шакалы, лисы, каракалы подобрались под покровом тьмы к самому раскопу и словно караулили: выберется ли наружу пришелец из *его* логова между каменных колонн, покрытых неолитическими пиктограммами и барельефами змей, или навеки сгинет там, даря свои кости и мясо им – погребальным падальщикам, первобытным стражам, жрецам и охранникам Малого круга. А во тьме недалеко от раскопа кружилась словно в танце, соревнуясь с собственной тенью, в лунном свете гиена.

Глава 3. Гиена. Колдовство

Наши дни. 55 километров от Гёбекли-Тепе и 3 километра от места новых археологических раскопок. Турция

Вечером в пятницу на трассе, соединяющей Шанлыурфу и Харран, всегда мало машин. «Джип» с открытым верхом свернул на центральном кольце в сторону Харрана, двигаясь навстречу стремительно наступающей ночной тьме, побеждающей кроваво-красный закат. В машине были трое – мужчина за рулем и две женщины сзади. Все трое непохожие на обычных туристов. Четвертый крохотный пассажир безмятежно спал, его, «бездомыша», подобрал мужчина на улице Шанлыурфы, и на обратном пути в Харран он целиком поглощал внимание обеих женщин.

И вдруг…

Она выскочила на дорогу на свет фар внедорожника и сразу метнулась назад.

Полосатая гиена. В прежние времена они редко встречались на юге Турции, но трагические события в Сирии и Ираке, война и междоусобица повлияли и на животных, резко увеличив численность популяций хищников-падальщиков.

Мужчина за рулем резко дал по тормозам. «Джип» остановился.

– Соня, вы это видели?! – воскликнула одна из женщин, постарше.

– Гиена! Марина Аркадьевна, а в ее пасти… Ох, это же… – Вторая женщина, казалось, потеряла дар речи.

Мужчина лихо крутанул руль, съехал в кювет, направляя машину по бездорожью вслед за улепетывавшей со всех лап полосатой гиеной.

Напуганная, она не рассталась с добычей.

В пасти ее была голова человека.

Мужчина прибавил скорость, внедорожник мчался по равнине, быстро нагоняя хищника. И вот они поравнялись, гиена повернулась корпусом к преследователям. Человеческая голова, крепко зажатая в ее пасти…

– Марина-ханым![2] Узнаете его?! – хрипло взволнованно спросил мужчина.

– Кемаль, я без очков! – Марина Аркадьевна крепко вцепилась в борт.

Женщины кричали по-русски, мужчина на хорошем, но явно не родном английском с акцентом.

– Это же он! София-ханым, это же он! Наш… – Мужчина осекся, на максимальной скорости вновь крутанул руль, внедорожник едва не перевернулся, опережая гиену с человеческой головой в пасти, преграждая ей путь.

А затем случилось то, чего Марина Аркадьевна никак не ожидала, а Соня запомнила на всю жизнь. Мужчина выпрыгнул из «джипа», сдернул через голову худи, оставшись обнаженным до пояса, привычным жестом поправил на носу очки в тонкой оправе и пошел прямо на гиену, остолбенело застывшую в вихре песка и пыли, поднятом колесами машины.

Темноволосая человеческая голова свисала из оскаленной пасти гиены подобно чудовищному мячу. Полуобнаженный мужчина приблизился к хищнику – их разделяло теперь не более двух шагов. Гиена вздыбила шерсть на загривке. Темные глаза не мигая уставились на преследователя. Падальщик мог шарахнуться в сторону, нырнуть в темноту, скрыться в зарослях фисташки и можжевельника, но он не двигался…

[2] Вежливое обращение к женщине в Турции.

– Превратись в пыль… обернись камнем… – произнес мужчина по-турецки и протянул к гиене руку. Сделал еще шаг. Его рука зависла над ощетинившимся загривком гиены, издавшей низкое глухое ворчание.

– Ты красавец… ты ослепителен… Ты почти лев… Ты и правда лев. – Мужчина повел рукой над загривком гиены к пасти, к сомкнутым на человеческих останках мощным челюстям, огромным клыкам. – Ты лев Харрана… Ты падишах…

Соня в машине подалась вперед, завороженная и невиданной парадоксальной сценой, разыгрывающейся у нее на глазах, и обликом и поведением спутника, и странным, почти гипнотическим трансом, в который словно бы впал дикий зверь, очарованный лестью человека.

– Ты отдай мне… его, – мужчина приблизил руку к голове в пасти гиены, – отдай… он не твой… он наш… друг…

Гиена разжала челюсти и уронила добычу. Голова откатилась к ее передним лапам. Мертвые глаза уставились в небо. Рука мужчины замерла возле оскаленной пасти. Одним движением гиена могла бы перекусить кисть, оттяпать дерзкому пальцы, но…

– Да вы просто околдовали его! – Резкий возглас Марины Аркадьевны разорвал тишину.

И волшебство мгновенно разрушилось. Гиена сипло взвыла, вновь вцепилась зубами в человеческую голову и отпрянула, устремляясь прочь.

Мужчина выхватил из кармана брюк-карго пистолет.

Выстрел!

Он не целился, стрелял навскидку.

Гиена шлепнулась на бок, перевернулась на спину, суча ногами в агонии. Пуля пробила ей череп. Мужчина подошел, нагнулся, вглядываясь в лицо мертвеца.

– Без всяких сомнений – он! – объявил, пряча пистолет. – София-ханым, в багажнике брезент. Нам надо быстро упаковать все и отдельно – его бедную голову и труп смрадной гадины.

– Кемаль, я вам помогу! – София уже энергично рылась в багажнике их экспедиционного внедорожника. – Но как, от чего и когда он умер?!

– Нам надо отыскать его тело, пока совсем не стемнело, – ответил Кемаль. – Пока *ночные* не растащили его кости по норам.

Глава 4. Первая жертва

Наши дни. 30 ноября. 55 километров от Гёбекли-Тепе и 5 километров от места новых археологических раскопок

– Именно здесь мы тогда и нашли его останки. Несчастный юноша! Экспедиция моего мужа утратила того, кому мы и обязаны нашей выдающейся находкой.

Марина Аркадьевна Фират – шестидесятитрехлетняя русская жена знаменитого турецкого врача, мецената и бизнесмена и сама известный в Турции врач-офтальмолог – будто произнесла погребальный спич над могилой: печально, решительно и твердо. Но это была не могила, а место преступления. Скорее всего место либо убийства, либо сокрытия трупа, как решили они все, опираясь на одну красноречивую деталь в логике событий месячной давности. А Катя, с гордостью носящая теперь двойную фамилию Борщова-Петровская, поняла: несмотря на профессию, весьма далекую от археологии, Марина Аркадьевна задает тон в экспедиции и в делах своего мужа – мецената и археолога-любителя. И с данным важным обстоятельством придется считаться им с Гектором: он ведь принял настойчивое предложение доктора Фирата о «конфиденциальных действиях в целях установления истины по всем ужасающим обстоятельствам». А она, Катя, его жена, горячо поддержала желание Гектора помочь меценату-археологу разобраться с кровавой трагедией, внезапно обрушившейся на ученых мужей. Гектор, все взвесив, согласился провести конфиденциальное и негласное расследование исключительно из-за весьма крупного вознаграждения, предложенного ему Фиратом. Но об этом чуть позже.

А Катя… Человек, решивший круто поменять свою судьбу и посвятить себя написанию книг, детективов, обязан быть готов к резким поворотам собственного жизненного «сюжета» и почти обречен рассматривать многие бытовые факты, события, стечения обстоятельств и предложения со стороны в качестве «кирпичиков» для содержания будущих книг. Честно говоря, когда в устах посредника, действовавшего от имени Фирата, в том памятном разговоре с ними в Газиантепе прозвучали слова «Гёбекли-Тепе», «новый сенсационный раскоп», «прямой потомок врача Генриха Шлимана», у нее просто захватило дух! Словно в прежние времена в полиции, ее неукротимое репортерское любопытство властно позвало ее вперед. Невозможно ведь отказаться от настоящего подарка небес, сулящих им с мужем в Турции, где они путешествуют вот уже полтора месяца, совершенно невероятное приключение. Жуткие и таинственные происшествия вокруг археологических раскопок!

Но азарт и писательский кураж резко спали, лишь только Катя увидела фотографии первой жертвы – девятнадцатилетнего Исмаила. Хотя Катя в тот миг еще не могла даже представить, с чем им с Геком предстоит столкнуться и какие грозные, пугающие события впереди.

Катя стояла перед развалинами среди холмистой безлюдной равнины. Они добрались сюда на двух внедорожниках из Шанлыурфы, где всего час назад Гектор окончательно оформил согласие на проведение конфиденциального расследования. Ехали по шоссе с редкими финиковыми пальмами по обочинам, мимо хлопковых полей, наполненных влагой прошедших осенних дождей, мимо придорожных кафе, лавок, автозаправок, автостанций с вереницей рейсовых автобусов и маршруток-долмушей, снующих меж деревень, а затем мимо бескрайних пустынных просторов, усеянных камнями.

Развалины одноэтажного древнего на вид строения, сложенного из неотесанных булыжников, увенчанного странными крышами конусообразной формы, провалившимися внутрь.

– Гек, что это за здание? – тихонько спросила Катя.

– Местное зодчество, дома-ульи, когда приедем в Харран, ты их увидишь. – Гектор наклонился к ней. – Крыши-колпаки спасают от адской жары летом. Руины – скорее всего старинный

караван-сарай. Подобный антиквариату, где разместился наш с тобой отель в Шанлыурфе, но там все отреставрировали с умом… чики-пики, полный комфорт и удобства, а в глухомани забросили, и очень давно. – Он взял Катю за руку и повел к пролому в стене.

Они заглянули внутрь: груды камней, овечий помет.

– Сейчас здесь хлев для скудных харранских стад в сезон зноя и непогоды, – констатировал Гектор. – Останки парня были внутри?

– Снаружи. Здесь. – Марина Аркадьевна указала на груду камней у пролома. – Кемаль, покажите фотографии.

Кемаль Караденiз… Именно его Катя во время встречи днем в Шанлыурфе сначала восприняла в роли Главного археолога (Марина Аркадьевна приехала на встречу в сопровождении его и секретаря мужа Али). Но оказалось, Катя ошиблась. Гектор-то сразу понял, кто перед ним. Кате же на встрече потребовалось время для адаптации к новым реалиям. Ее удивил и сам факт: нанимать Гектора для расследования явилась в Шанлыурфу русская жена мецената, а не он сам, в сопровождении свиты. Хотя факту нашлись вполне логические объяснения. Но и об этом чуть позже.

Кемаль вытащил из кармана брюк-карго мобильный. Все многочисленные карманы оттопыривались, в них многое хранилось. Кате померещилось даже во время встречи в Шанлыурфе – в одном из обширных карманов у голени нечто шевелится, сворачиваясь в клубочек.

Снимки… С разных ракурсов, весьма детальные, подробные. Катя отметила: подобные фото в полиции на месте происшествия делают исключительно эксперты-криминалисты или другие специалисты – профи до мозга костей.

Отчлененная голова на брезенте, тронутая следами гниения. Мужская, темные волосы слиплись от крови. Обрубок шеи. Глаза мертвеца…

Катя невольно отвела взор от снимков в мобильном Кемаля, которые он медленно листал для Гектора.

– Раны у него на лбу и на щеке от клыков гиены? – спросил Гектор.

– Она же волокла его голову в пасти, прокусила кожу до кости, видите? – ответил Кемаль.

Рассказ о внезапной встрече с полосатой гиеной на обратном пути в Харран Гектор и Катя уже слышали во время встречи в Шанлаурфе. Марина Аркадьевна четко и деловито изложила, как более месяца назад они втроем – она, Кемаль и старший научный специалист их международной экспедиции доктор исторических наук, этнолог-антрополог София Бестужева столкнулись со зверем, преследовали его на машине, потому что зоркий Кемаль сразу опознал в отчлененной голове черты их волонтера из местных Исмаила. Их беседа в ресторане отеля и здесь шла на английском: ни Кемаль, ни секретарь Али, в отличие от других членов экспедиции, по-русски не говорили. Язык расследования – этот вопрос Катя сама задала посреднику, действовавшему от имени Фирата, еще прежде в Газиантепе. Важный вопрос, животрепещущий. Но об этом тоже чуть позже.

Здесь, у развалин, Гектор мог бы объясняться с Кемалем на турецком, он разговаривал на нем пусть и не свободно, как на арабском, но сносно. Однако он этого не делал из-за жены. Катя за все их полуторамесячное путешествие по Турции пока выучила лишь несколько вежливых слов: благодарность, просьба, обращения, названия блюд…

Новый снимок с измененным ракурсом, где крупным планом опять снята рана на шее.

– Голову не отгрызли хищники. Ее механическим способом отчленили. – Гектор пристально вглядывался в экран мобильного. – Не отрубили топором. Здесь нет следов рубки, налицо длинный разрез, с применением значительной силы и давления. Не ятаган из сериалов, конечно, использовали…

Кемаль усмехнулся уголком губ и поправил на носу с горбинкой очки в тонкой оправе.

– Скорее обычный нож – сатыр с широким лезвием, бытовой или же… Ханджар. Кинжал. Если парень был еще жив, то… Не быстрая, мучительная смерть при обезглавливании.

Кемаль кивнул согласно.

– Я подобное уже видел, – добавил Гектор.

– В Сирии, эфенди? – поинтересовался Кемаль.

– И в Сирии, и по дороге в Ракку. От здешних мест до нее недалеко, эфенди, – в тон ему ответил Гектор.

Кемаль вновь кивнул. Катя слушала мужа, Гектор разбирается в восточном холодном оружии, да и во всякого вида оружии как бог. И он встречал жертв подобных диких средневековых казней во время сирийской войны и спецопераций против исламских террористов… здесь и по всему Блистательному Востоку. Но девятнадцатилетний Исмаил – жертва казни фанатиков или здесь нечто иное? Напрямую касающееся деятельности археологической экспедиции в этих древних местах?

– Непосредственную причину его смерти мы так до сих пор и не установили, и полиция в тупике, – вмешалась Марина Аркадьевна. – Али регулярно поддерживает связь с местными полицейскими. И по первой жертве нет новостей. От бедного мальчика, когда мы его нашли, бросившись искать тело Исмаила тогда, ночью, уже мало что осталось.

Кемаль открыл в мобильном новые снимки.

Полуобглоданный остов ребер. Оторванная правая человеческая нога у той самой груды камней, где они стояли сейчас. Гриф с широко распахнутыми крыльями с куском кожи в клюве. Вот он взлетает, не выпустив добычу…

– Ночные его уже почти доели, – объявил Кемаль. – По ребрам и ноге никто не установит, застрелили ли его или пырнули кинжалом, прежде чем обезглавить. Или же лишили головы здесь, у развалин.

– Давность смерти тоже не определили точно? – Гектор разглядывал останки на фото.

– Нет. – Секретарь Али, до сих пор не проронивший ни слова, подал голос. – В полиции мне сказали – от трех до пяти суток. Но я говорю – трое.

– Почему? – Гектор глянул на него вопросительно.

– Потому что я лично видел Исмаила за три дня до обнаружения Мариной-ханым и остальными его растерзанных падальщиками останков. – Секретарь выпрямился. Он единственный явился на встречу с Гектором и Катей при полном параде – в бежевом костюме, при галстуке, с сафьяновым деловым портфелем, этакий вежливый, строгий «белый воротничок». – Я заметил его вечером на раскопе у нашего трейлера вместе с Тимуром.

– Исмаил часто помогал моему сыну в работе, – вставила Марина Аркадьевна.

– Работа в тот вечер уже закончилась, стемнело. Тимур и я включили внешнее освещение по периметру раскопа. Исмаил попрощался, сел на свой мопед и укатил, все как обычно, – продолжил Али. – А содействовал он совершенно добровольно и с огромным энтузиазмом всем нашим без исключения – доктору Карапетян, доктору Бестужевой, доктору Дымшиц, мир ее праху…

Катя вздрогнула. Секретарь упомянул *самую последнюю на данный момент жертву. Четвертую.* Собственно, из-за которой к Гектору с просьбой о конфиденциальном и тайном расследовании происшедшего на раскопках и обратился меценат Александер Фират.

– Когда он у вас появился? – Гектор разговаривал с секретарем Али очень вежливо.

– Исмаил сам пришел к нам в прошлом году в феврале, едва лишь уважаемый Искандер-бей дал старт раскопкам. Здесь в окрестностях мы проводили подготовительный этап с аэросъемкой ландшафта, – пояснил Али, он называл своего работодателя Александера Фирата на турецкий лад. – Искандер-бей разрешил ему присоединиться к экспедиции волонтером, парень уж больно настаивал, просто сгорал от желания участвовать. Искандер-бей увидел в нем себя в юности, когда он все студенческие каникулы проводил на раскопках хеттского царства, хотя сам учился на медицинском факультете. В конце мая из-за жары работы приостановили, Исмаил вернулся на раскоп только осенью. Но работал волонтером нерегулярно, ему прихо-

дилось помогать семье в сборе урожая. Зато в этом полевом сезоне он работал на раскопе с середины февраля по май и опять присоединился к нам после летнего перерыва в сентябре.

– Именно он, юный дилетант, обратил внимание Мары Карапетовны и Тимура на выступающий из стены раскопа камень! – воскликнула Марина Аркадьевна. – Его глаз зацепился за… фрагмент нашей удивительной находки.

– В том же месте, где мы до этого нашли чертовы черепа, – мрачно вставил Кемаль.

И показал Гектору и Кате новые фотографии в мобильном.

Мертвая гиена на брезенте.

– Полосатая обжора? – хмыкнул Гектор. – Их теперь полно по обе стороны границы, наследники войны… Полосатая гиена прикидывается мертвой, будучи в опасности, – пояснил он Кате. – А потом оживает. И она никогда не хохочет, как ее товарки в Африке. Вы, эфенди, значит, ее пристрелили?

– Ради ДНК. Мы в тот момент еще не нашли тело, и причиной гибели парня могло стать нападение гиены, хотя это и маловероятно. Я решил – нам необходим труп животного для забора ДНК.

– Разумно. А голова и останки парня?

– Я сразу забрал образцы ДНК с мертвой головы и потом, после обнаружения останков, и с них тоже.

– Вот как? – Гектор вроде изумился. – Не для полицейской экспертизы?

– У нашей экспедиции работает в Шанлыурфе собственная лаборатория. Я отправил образцы ДНК всех жертв и с трупа гиены туда.

– В прошлом полевом сезоне, как только в раскопе коллеги обнаружили массовые фрагменты костей различных животных, съеденных во время пиров древних людей в Малом круге, как и в Гёбекли-Тепе, Искандер-бей нанял целую лабораторию по исследованию ДНК, – пояснил невозмутимо Али. – В нынешнем полевом сезоне лаборатория приехала в Шанлыурфу, поближе к раскопу. И не зря.

– Потому что откопались чертовы доисторические черепа, – вновь вставил Кемаль. – Они на исследовании сейчас. – Он помолчал и добавил совсем мрачно: – А потом здесь началась резня.

– Катенька. – Гектор близко наклонился к сосредоточенной примолкшей Кате и прошептал: – Просто все условия для нас с тобой, да? И даже собственная лаборатория ДНК у землероек-ученых. Зашибись!

– Тебе их создали, Гек, – тихонько ответила мужу Катя. Его внимание, его тон, его взгляд и родная речь сразу придала ей сил после жутких снимков и слов турка.

Ибо она в данный миг ощущала полное смятение. Некую болезненную раздвоенность. С одной стороны, она верила в себя: из событий на раскопках в будущем у нее выйдет интереснейший детектив-триллер – при любом раскладе… Но с другой стороны, их общее с Геком дело – в реальности конфиденциальное расследование именно ее мужа. И оно после встречи в Шанлыурфе с нанимателями и просмотра снимков уже представляется ей вещью архисложной. Кто она сама здесь, в Турции? Чужестранка… Путешественница… Туристка. Без Гектора она в существующем раскладе вещей и обстоятельств – абсолютный ноль. Она не знает Блистательного Востока и его тонкостей, его страхов, теней, его темной стороны… Верхоглядством, наскоком, репортерским энтузиазмом здесь не заслонишься, словно щитом… А бесполезным придатком при муже в расследовании быть так не хочется… Она не привыкла быть пустым местом! Катя прежде всегда старалась держать планку.

«Я все запомню… пусть сейчас я лишь в роли ученика и наблюдателя в расследовании, помогая Геку. Но зато потом я все опишу в новой книге… Это я сумею. Это мне по плечу».

Она отыскала для себя внутреннюю опору в своем решении. И постаралась взять себя в руки. Уже иными глазами – исследователя, писателя, собирающего новый материал, смотрела и на ужасные снимки, и на оскаленную пасть и бурый всклокоченный мех гиены…

Изучу сейчас и потом воссоздам в книге…

Но давалось это ох как нелегко! Убитый юноша, волонтер и верный помощник… Особенно невыносимо было видеть его останки после того, как секретарь Али в свою очередь предъявил им с Гектором фотографии еще живого и здорового Исмаила. Обычный парень, загорелый, симпатичный, улыбающийся – в панаме, пыльной футболке и бермудах рядом с другими членами экспедиции, он же на мопеде и за столом во время обеда, у трейлера – полевого штаба экспедиции.

– Гектор, эфенди, вы должны знать одну вещь, – сказал секретарь. – Искандер-бей выплатил парню премию за то, что он первый заметил фрагмент нашей находки. Весьма крупную для мальчишки.

– Сколько? – уточнил Гектор.

– Шесть тысяч долларов он мне приказал отправить ему на карту, проявил щедрость, ведь находка – настоящая сенсация. – Секретарь усмехнулся. – Парень был в полном восторге. Прежде он упорно отказывался от денег, хотя в нынешнем полевом сезоне мы его хотели уже официально нанять… Исмаил ведь проверенный сотрудник. Но он не всегда располагал свободным временем, понимаете? А плата на раскопе для местных понедельная.

– А чем он зарабатывал на жизнь?

– Он сын поденщицы, трудившейся на хлопковых полях, – ответил Гектору Кемаль. – Я навел о нем справки. Его мать умерла родами, а отца забрала холера за пару месяцев до его рождения. Их с сестрами вырастил и воспитал старший брат. Он воевал…

– Где? – Гектор глянул на турка.

– Везде. Вы понимаете, эфенди. Нет, с осатанелыми шайтанами, с которыми вы сражались в Пальмире, он не якшался. Он не террорист в прошлом. Но он воевал… то там, то тут.

– Наемник? А про Пальмиру откуда знаете, эфенди?

– Алекс, мой муж, предоставил нам всем, всей экспедиции, краткую… но подробную справку о человеке, который станет копаться в делах и секретах экспедиции и нашем грязном белье ради поисков убийцы. Муж информировал нас, когда в Газиантепе уважаемый нами посредник получил от вас, Гектор Игоревич, потенциальное согласие на сотрудничество, – отчеканила Марина Аркадьевна. – Гектор Игоревич, пожалуйста, не держите нас за наивных простаков. Мы справляемся о тех, кто будет справляться о нас и за наши же кровные деньги начнет расследовать прошлое и настоящее, идя по следу кровавого маньяка, или религиозного фанатика, или не знаю уж кого, подвергшего моих коллег и друзей террору в последний месяц!

– Спасибо, Марина Аркадьевна, – поблагодарила Катя. – Сразу все точки над «i» поставлены.

– О вас, дорогая, нас информировали – вы в прошлом полицейский репортер, человек тоже бывалый. А сейчас вы пишете книги. – Марина Аркадьевна посмотрела на Катю. – Нас все устраивает.

– Исмаил помогал брату, тот открыл бизнес на шоссе на сколоченный от наемничества капитал, – Кемаль невозмутимо вернул разговор в прежнее русло. – У него магазин.

– Исмаил жил в Харране с братом и сестрами? – уточнил Гектор. – Откуда он приезжал на раскоп на мопеде?

– Сестры давно вышли замуж, брат тоже женат, у него маленькие дети. На месте старой развалюхи брат построил новый дом для семьи. Но Исмаил жил отдельно, снимал один из домов-ульев в Харране. Полиция улей обыскала, ничего не нашла, он там лишь ночевал. Все свое время Исмаил делил между помощью брату в магазине и нашим раскопом, – рассказывал Кемаль. – Гектор, мы можем прямо сейчас навестить брата, расспросить.

Гектор кивнул, но прежде попросил время на собственный осмотр окрестностей развалин. Марина Аркадьевна села в машину, секретарь Али остался с ней у внедорожников. А Гектор, Катя и Кемаль побрели прочь от руин.

– Гек, ты следы хочешь здесь найти? Но ведь больше месяца прошло, – шепнула Катя мужу. – И полиция осматривала прилегающую территорию. И ничего вроде бы.

– Место заброшенное, на отшибе. Парня сюда привезли? Живого или уже мертвого? Или он с кем-то сам пришел? – Гектор оглядывал плоскую равнину. Смотрел себе под ноги. – До шоссе от развалин метров семьсот. Парень ездил обычно на мопеде. Мопед не обнаружен.

– Ты ищешь следы мопеда на камнях? – не унималась Катя.

– Взгляни внимательнее, здесь не только камни, но и глина, а вот здесь не просто смяты, но раздавлены кусты колючего инжира. По ним колесом проехались. – Гектор указал на кактусообразные заросли в направлении шоссе. – Осторожнее, Катя, не поранься.

Кемаль словно понял, о чем они совещаются по-русски.

– У нас тогда вечером просто не осталось времени на осмотр территории. Стемнело, – пояснил он. – Я сделал фотографии, забрал тайком образцы и вызвал на место полицейских. Они прибыли из Шанлыурфы, там региональный отдел… В Харран полиция оттуда наведывается. Они сначала сочли дело несчастным случаем, нападением голодных хищников. Когда же я обратил их внимание на резаную рану на шее, они обвинили местных… Полиция и все последующие жертвы списывает на оголтелого фанатика или группу фанатиков. После обнаружения нами в раскопе того каменного чучела у нас ведь сразу начали твориться совершенно безумные дела.

– Эфенди, а здесь след протектора засох в прежде влажной глине. – Гектор неожиданно остановился. – Смазанный… И приличной давности. Возможно, месяц ему срок.

Катя посмотрела, куда указывал муж.

В грунте след колеса. Фрагмент.

Гектор наклонился, сфотографировал крупным планом на мобильный, затем замерил с помощью камеры след.

– Достаточно широкий. Небольшой грузовичок повело в грязи… нет, скорее даже пикап… Протектор знакомый, местный продукт «Ford Otosan». Кемаль, у кого в Харране есть подобные пикапы?

– У каждого десятого в окрестностях, а в Урфе у каждого пятого, кто рулит или бизнес крутит, «отосаны», – ответил Кемаль.

Глава 5. Когда комар бегал босиком…

Каменистая пустынная равнина с проплешинами кустарников сменилась за окном внедорожника вполне обычным для южной Турции пейзажем – зеленеющие после ноябрьских дождей возделанные поля, на горизонте частные дома с синими глухими заборами, плоскими крышами и цистернами воды на них. Мимо оград по обочине ползли женщины в черных никабах с клетчатыми сумками челноков. Лавка старшего брата Исмаила располагалась рядом со стихийным придорожным рынком, где крестьяне продавали путешественникам свой урожай. Пробираясь мимо ящиков с разноцветными перцами, томатами, баклажанами и коробов с бутылками оливкового масла, специями, фруктами, Катя, Гектор, Марина Аркадьевна и секретарь Али дошли до распахнутых настежь дверей магазина-павильона. Их вел Кемаль.

– Тачек-«отосанок» видимо-невидимо. – Гектор обратил внимание Кати на заполонившие базарную стоянку угловатые пикапы, тоже загруженные товаром. И поинтересовался у Кемаля – родня первой жертвы общается на арабском, как большинство жителей сирийского приграничья, или на турецком?

Кемаль ответил: на арабском, естественно, но турецкий же «всеобщий» в стране язык. Катя в айфоне моментально настроила голосовой переводчик с турецкого: Гектор будет беседовать с братом жертвы на языке, понятном большинству присутствующих. Кроме нее… Она решила для себя с сегодняшнего дня методично начать пополнять редкий запас турецких слов. А сейчас авось голосовой переводчик уловит на слух иноземную речь и ее мужу не потребуется пересказывать ей допрос «родни». То, что Гектор, входя во вкус роли нанятого детектива, собирается устроить брату Исмаила именно жесткий допрос, узнав о его прошлом наемника, не вызывало у Кати сомнений. Вмешаться в разговор, смягчая ситуацию, она, не владеющая турецким, не могла. И поэтому волновалась.

Но лавка, торгующая всякой всячиной, от рахат-лукума до портативных печек-буржуек с трубой, оказалась пуста – ни хозяина, ни покупателей, лишь старик в сланцах и дутой жилетке, куривший трубку на трехногой табуретке. И с поразительной вещью под мышкой. Кате показалось сначала – с пузырем из кожи, а потом она поняла: да это же бурдюк! Прежде она видела его лишь в кино! Гектор вежливо и почтительно обратился к старику. Смысл вопроса Кате был ясен – где хозяин магазина? Но она все равно следила за строками на экране мобильного голосового переводчика. Улавливает ли на слух? Оказалось, отлично улавливает.

– Ибрагим? В парикмахерской… Цирюльне… Я за него, – кивок старика с бурдюком вбок. – Сами-то кто?

Гектор пояснил: археологическая экспедиция на раскопках Харран-Тепе, ищем убийцу юного Исмаила и других жертв. И похвалил бурдюк старика – старинная вещь, добротная, а вода у вас свежая?

– Чужаки со Злого холма?

Катя, читая перевод, напряглась. Злой холм… На Востоке просто так названия не дают, всегда вкладывают определенный смысл. Однако старик уже рассуждал насчет воды и бурдюка:

– Ваше поколение (кивок в сторону прозрачного холодильника с банками газировки и бутылками местного пива) совсем не знает времен, когда *комар бегал босиком… со своей ношей…* с родниковой водой в мехах, добираясь до страждущих от зноя… (Катя поняла из перевода – «Комар, бегающий босиком» – прозвище водоноса.) И даже распылял воду во дворах летом, чтобы сирийский ветер хотя бы не сдул почву, песок и пыль, ослепляя глаза. А я помню те славные дни. И добрая Фатима, мир ее праху, убитая после бедного мальчика, помнила времена, когда комар еще бегал босиком… Она и сама до старости часто ходила босая. Кстати, именно она приняла у Ибрагима в ту грозовую ночь новорожденного Исмаила, завер-

нутого в куртку, и они с сестрой побежали ночью в ненастье искать несчастную мать, разродившуюся в пути с хлопковых полей, но нашли ее уже мертвой, ее сердце не выдержало натуги.

Гектор поблагодарил старика. Катя машинально сделала снимок экрана, решив сохранить текст перевода. Ее позабавило прозвище водоноса. Лишь впоследствии она поняла – дружеская болтовня с «комаром, бегавшим босиком» почти сразу подарила им бесценную информацию для расследования, но они с Геком в тот момент об этом и не подозревали.

Из базарной цирюльни доносились громовые раскаты мужского хохота. Реагируя на недоуменный взгляд Кати, Гектор шепотом пояснил: траур по покойнику здесь длится всего три дня. А с убийства Исмаила прошло уже больше месяца. Внутри парикмахерской их взору предстала еще более удивительная картина: в единственном кресле зальчика, пропитанного ароматами мускуса и шампуней, восседал дюжий бородач-качок лет за тридцать в пластиковой накидке. Его голову, умирая от смеха, наголо брил опасной антикварной бритвой другой лысый бородач-качок, местный Фигаро. А сам клиент (Катя поняла – перед ней старший брат жертвы Ибрагим), держа в правой руке эмалированный чайник, в левой поднос с прозрачными турецкими стаканчиками, зажав в зубах ручку ситечка, с цирковой ловкостью разливал через него из чайника душистое угощение сразу в четыре стакана – себе, парикмахеру и двум татуированным парням, ожидающим очереди на диванчике.

Смех оборвался, едва лишь компания узрела незваных пришельцев. Ибрагим водрузил чайник и поднос на стойку у зеркала и выплюнул в открытый ящик ситечко. Его взор скользнул по Кате в панаме и с телефоном в руке, заслонившему ее собой высокому широкоплечему Гектору, Кемалю, щеголю-секретарю с его идеальным пробором и вперился в Марину Аркадьевну, прятавшую взор за дорогими солнечными очками. И Катя поняла – Ибрагиму члены экспедиции отлично знакомы. Оно и понятно.

– Меня и мою жену наняли известные вам ученые мужи разобраться в кровавых преступлениях последних недель. И отыскать убийцу безвинных жертв, в том числе и вашего брата, уважаемый Ибрагим, – представился Гектор.

– Kaptan и твоя esim?[3] И вы все явились ко мне? Прямо делегация Интерпола. – Ибрагим потер ладонью бритую голову. – Но что я могу сказать? Я вырастил, выкормил брата, мечтал иметь его помощником во всех делах. Но доктор и его люди отняли у меня Исмаила. Они прельстили его, вскружили ему голову пустой праздной болтовней о своих раскопках и славе. Исмаил забросил наш бизнес, перестал мне помогать. Он целыми днями пропадал на Злом холме в прошлый сезон и в этом году. Я отчаялся убедить его заняться собственными делами. Он поставил меня, брата, вырастившего его, ниже понаехавших чужаков. Они даже не правоверные мусульмане! Каптан, зачем я вам? Меня уже допрашивала наша доблестная полиция, и я все рассказал братьям-полицейским из Урфы[4]. Вам заявляю то же самое: ищите убийц моего Исмаила в Харран-Тепе.

– Не больно вы грустите о брате, – вставил свои пять копеек Кемаль. – Не стоит поносить дурными словами научную экспедицию. Мы стараемся вам помочь. Доктор-бей нанял опытных сведущих людей для собственного частного расследования и поимки убийцы вашего брата и остальных погибших.

– Настанет срок, и я достойно помяну брата раздачей милостыни нуждающимся по закону наших предков, – отрезал Ибрагим. – А доктор мне не указ. Пусть он и стамбульская знаменитость, но он не правоверный. И окружен на раскопе сплошными гяурами.

– А вы, *каптан*, воевали за веру в Сирии, Ираке и… где-то еще, да? – сочувственно осведомился Гектор.

---

[3] Kaptan – слегка развязное и панибратское обращение к мужчине, в том числе и армейский сленг (*турецк.*). Esim – жена (*турецк.*).

[4] Урфа – это более короткое, бытовое название города Шанлыурфа. «Шанлы» в переводе с турецкого – «славный», то есть Шанлыурфа – «Славная Урфа».

– Нет, за деньги. Так же, как и ты, каптан, по ту сторону границы и… где-то еще.

– Мы там… в этом где-то… встречались? Нет? – Гектор понизил голос, излучая всем своим видом искреннее дружелюбное любопытство.

Катя напряженно следила на экране за голосовым переводчиком. Она не видела бородатой физиономии Ибрагима. Но ощущала – тон его речи изменился.

– Возможно. Гриф черный видит грифа египетского за километры в пустыне. Оба ведь слетаются на кровь и на падаль. Только ведь мы, здешние, для вас, чужаков, все на одно лицо. Бородачи! Ты не американос. И не «юнион джек». Большой русский, да? – Ибрагим изучал Гектора. – Но вы все для нас тоже на одно лицо. *Бесцветные*… Ищи убийцу среди подобных себе на Злом холме. В курсе, что они там откопали? Немыслимую и омерзительную для любого правоверного вещь. И кичатся своей находкой. Они соблазнили ею моего младшего брата, смутили его разум похвалами, внушили ему мысли о славе первооткрывателя этой погани… Посеяли в его сердце мечты о переменах в судьбе, о высшем образовании. Он стал грезить учебой в университете, представляешь? На какие доходы?

– Но Фират-бей щедро вознаградил вашего брата за его открытие, – ввернул Гектор. – Перечислил немалую сумму ему на карту. На несколько семестров в Стамбульском университете хватило бы.

– Исмаил на те деньги решил приобрести крутой байк или подержанное авто, он выбирал, колебался, – скорбно вздохнул Ибрагим. – Со мной не советовался.

– Вы лично когда его видели в последний раз?

– Я уже ответил полиции: он пропадал на раскопе сутками. Он забросил мой магазин. Мы не виделись пять дней.

– И не перезванивались? Не чатились?

– Нет. Он меня игнорировал. А когда в прошлом году я просил его помочь в магазине с товаром, огрызался.

«На снимках у развалин – не просто разорванное на куски тело, а его остатки, сожранные хищниками, – подумала Катя. – Нет даже клочков одежды ни на остове ребер, ни на ноге. И выходит, его мобильного полиция тоже не нашла. Либо убийца забрал, либо шакалы и гиены утащили прочь вместе с фрагментами трупа, как и голову. Но брат утверждает – парень пять дней пропадал на раскопе, и они не виделись. Секретарь Али рассказывал, что за три дня до обнаружения останков Исмаил был жив, сел на мопед и уехал вечером с раскопа. Его могли убить той же ночью или на следующий день…»

– Ваш брат купил себе байк или машину? – уточнил Гектор.

– Не успел. Деньги его целы, полиция сразу проверила счет. Карту банк заблокировал пока. Она же потерялась. – Ибрагим опять тяжко вздохнул. – Из-за полицейской волокиты я его даже не мог похоронить по обычаям предков в срок.

– А у вас самого пикап «Форд-отосан»?

– Подержанный. И еще грузовик для магазина, «Фиат». Я в прошлом сезоне на нем доставлял вместе с братом бутылки воды и фрукты в лагерь на холме. Но потом нога моя туда больше не ступала. С момента находки той нечисти место проклято.

– Каптан, а для *черного грифа пустыни* вы не слишком эмоциональны и суеверны? – Гектор лучезарно улыбнулся бывшему наемнику.

– Не слишком. А Харран-Тепе теперь осквернен. Мерзость в стене следует обложить гранатами и взорвать.

– Подобно статуям Будды, уничтоженным талибами в Афганистане? – Гектор глянул на него в упор.

– Я с террористом муллой Даддулой[5] не контачил, *большой русский египетский гриф*. Я в те времена был еще пацаном. – Ибрагим смотрел на свое отражение в зеркале цирюльни.

– Теперь вы имеете представление, в какой атмосфере в этом сезоне пришлось работать экспедиции моего мужа, – тихо заметила Марина Аркадьевна, когда они все покинули парикмахерскую и направились к машинам. – Если даже родственник нашего волонтера исходит плохо скрываемой злобой и неприязнью к нам и к мужу персонально. У Алекса огромная просьба к вам, Гектор Игоревич, и к вам, Катя: прежде чем вы приедете к нам в Харран сегодня вечером, посетите Гёбекли-Тепе. Отсюда до него менее часа. Музей сегодня закрыт, вас встретит его сотрудник – муж с ним созванивался, он вам покажет экспонаты. Вам непременно следует их увидеть, прежде чем вы начнете исследовать наш кошмар со всех сторон, вникая в факты и детали. Музейщики отнеслись с пониманием к просьбе мужа, ведь Алекс жертвовал немало средств на раскопки Гёбекли-Тепе, прежде чем занялся организацией личной экспедиции. Вас проводит туда Кемаль. А мы с Али вернемся в Харран, я сильно нервничаю из-за сына. Тимур места себе не находит после смерти Эли Дымшиц, хотя с ним сейчас отец и сестра… я безумно волнуюсь… Для Тимура доктор Дымшиц была… Ох, бедная, бедная Эля!

– Эй, каптан! Знаешь о происшедшем здесь спустя две недели после того, как мой брат заметил в стене *его глаз*? – раздался громкий голос Ибрагима.

Шумный придорожный рынок мгновенно стих.

Гектор и Катя обернулись. Ибрагим прямо в парикмахерской накидке, недобритый, вышел вслед за ними.

– В наш хлев для скота ночью ударила молния с неба, – возвестил Ибрагим. – Хлев сгорел дотла. Пять наших овец и две козы вместе с ним. А барану и козлу, обожжённым огнем, отсекли башки! Мои дети лишились молока и овечьего сыра.

– Кто обезглавил твоих животных? – Гектор нахмурился.

– А это ты, *большой русский египетский гриф*, спрашивай у них! – Ибрагим ткнул пальцем прямо в ошеломленную новостью Марину Аркадьевну. – У ханым и ее спятившего безбожника – халдея! У ее herif!

Голосовой полиглот в мобильном оставил последнее слово непереведенным. Его смысл в машине по пути в Гебекли-Тепе пояснил для Кати Гектор: «мужик», но еще грубее, почти ругательство. Намеренное оскорбление.

[5] Именно муллу Дадуллу винят в уничтожении Бамианских статуй Будды в Афганистане.

Глава 6. Шанлыурфа

Четыре часа назад

– Али, огласите окончательно согласованную сумму вознаграждения, предлагаемого моим мужем вам, Гектор Игоревич, за действия конфиденциального характера по расследованию происшедшего с нами и защите нашей археологической экспедиции от террора, – велела секретарю Марина Аркадьевна Фират.

– Мы с женой все решаем вместе. – Гектор положил руку на спинку Катиного стула. Они встретились с Мариной Аркадьевной, Кемалем и секретарем Али в ресторане отеля Шанлыурфы – древнего, как мир, города на юге Турции.

Отель располагался в средневековом караван-сарае времен османов, отреставрированном с любовью, переоборудованном внутри на современный лад и превращенном в истинную жемчужину отельного бизнеса. Ресторан в колониальном стиле занимал весь внутренний, отделанный мрамором двор с журчащим ажурным фонтаном.

Секретарь Али, сидевший рядом с Мариной Аркадьевной, отодвинул раскрытый ноутбук и предъявил Гектору и Кате цифры на экране мобильного – ту сумму вознаграждения, которую запросил в Газиантепе у посредника сам Гектор.

– Мой муж хочет донести до вас, Гектор Игоревич, если вы поймаете кровавого маньяка, сумма удвоится. – Марина Аркадьевна сделала глоток турецкого кофе из фарфоровой чашки, игнорируя воду в стакане. – Сюда включены расходы на аренду автомобиля и бензин. Если вам потребуется специальное оборудование, то его мой муж сразу оплатит отдельно. Расходы на проживание и питание во время расследования пусть вас с женой не волнуют. На весь полевой сезон раскопок муж арендовал для членов экспедиции крыло отеля вместе с конференц-залом в Харране. Много свободных номеров. У экспедиции имеется свой повар.

– А есть номер для молодоженов? – лучезарно улыбнулся Гектор. – Нам с женой не нужны соседи за стенкой.

Номера и бунгало для молодоженов были фишкой для Гектора – он бронировал их в путешествии практически везде: и в Чанаккале у Трои, и в национальном парке Каздагы у горы Ида, и в Каше на побережье Средиземного моря, и в Газиантепе, где он и получил от своего давнего турецкого знакомого и бизнес-компаньона предложение «конфиденциально помочь весьма известному, уважаемому и, самое главное, очень богатому человеку, попавшему в капкан трагических и опасных обстоятельств».

– Номер есть, – за Марину Аркадьевну ответил секретарь Али. – Если вы даете согласие, я звоню в отель, и они подготовят настоящий номер для молодоженов. И если вы принимаете предложение моего босса о работе, половина суммы сразу зачисляется на ваш счет.

– Катя, слово за тобой. – Гектор смотрел Кате в глаза. – Ну, что?

В тот момент в их первую встречу в ресторане Шанлыурфы и предложение, и новые знакомые все еще представлялись взволнованной Кате персонажами из сказки «Тысячи и одной ночи». Она испытывала в тот миг почти восторг – какая же книга выйдет из всего этого! Пусть она еще ничего толком не знает, но… О подобном сюжете писатель может лишь мечтать! По лицу Гека она видела: он до сих пор оценивает ситуацию. Несмотря на внешнюю маску безмятежности и расслабленного спокойствия, внутри он сейчас собран, сосредоточен и серьезен… И… крайне заинтересован. Он уже сам не в силах отказаться. И дело сейчас не в солидном вознаграждении, хотя он в Газиантепе вел настоящий торг за свои услуги. Его уже, как и Катю, *зацепило.* Катя подумала: совершенно разные по натуре и складу характера, они с мужем – одно целое.

– Давай согласимся, – тихо произнесла она. – Я как ты. Но я за.

– Мы принимаем бой, – хриплым тоном, пародируя тигра Шер-Хана из «Маугли», известил нанимателей Гектор. Вышколенный секретарь Али бросил на него недоуменный, чуть ли не косой взгляд. Он еще не привык к приколам лицедея Гектора.

А вот Кемаль усмехнулся уголком рта. Он-то понял, почему некоторые типы – повидавшие в жизни много всякого разного и в общем-то сами крайне опасные – порой открыто паясничают, разбавляют шутовством и актерством важные деловые переговоры. Катя в Шанлыурфе сначала восприняла именно Кемаля Караденизa научным руководителем археологической экспедиции – чисто по его внешнему облику: спортивного и одновременно интеллигентного вида мужчина лет пятидесяти, с проседью на висках, но очень моложавый: модные очки в тонкой оправе на носу с горбинкой, твердый подбородок, открытый взгляд. Этакий симпатичный университетский профессор, предмет обожания юных студенток. В отличие от типичного яппи, тридцатипятилетнего красавчика Али с его идеальным пробором, щегольским двубортным костюмом и портфелем от Prada, Кемаль выглядел почти затрапезно – брюки карго, белая футболка и серое худи на молнии. Впрочем, неброско оделась на встречу и Марина Аркадьевна. Стиль сафари чрезвычайно ей шел. Энергичная, подвижная, с отличной, хотя и несколько располневшей фигурой, русская жена турецкого мецената в свои шестьдесят три года не гналась за искусственной молодостью. Она даже не красила седые волосы, а лишь оттеняла их стальной тонировкой. В сочетании с загорелой кожей, шляпой с широкими полями и дорогими солнечными очками ее ухоженная серебристая грива волос выглядела шикарно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.